

Эвгенин Онегин

А.С. Пушкин

Роман в стихах

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собрание пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Chapter 1

*И жить торопится, и чувствовать спешит.
Кн. Вяземский*

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку *занемог*,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же *черт* возьмет тебя!»¹

si ammalò

II

Так думал молодой повеса, Летя в пыли на почтовых, Всевышней волею
Зевеса Наследник всех своих родных. Друзья Людмилы и Руслана! С
героем моего романа Без предисловий, сей же час Позвольте познакомить
вас: Онегин, добрый мой приятель, Родился на берегах Невы, Где, может
быть, родились вы Или блистали, мой читатель; Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня. III Служив отлично благородно, Долгами жил
его отец, Давал три бала ежегодно И промотался наконец. Судьба Евгения
хранила: Сперва Madame за ним ходила, Потом Monsieur ее сменил. Ребенок
был резов, но мил. Monsieur l'Abbe, француз убогой, Чтоб не измучилось
дитя, Учил его всему шутя, Не докучал моралью строгой, Слегка за шалости
бранил И в Летний сад гулять водил. IV Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора, Пора надежд и грусти нежной, Monsieur прогнали
со двора. Вот мой Онегин на свободе; Острижен по последней моде, Как

¹ чертикаться мог толбко данди или простой человек

dandy лондонский одет — И наконец увидел свет. Он по-французски совершенно Мог изъясняться и писал; Легко мазурку танцевал И кланялся непринужденно; Чего ж вам больше? Свет решил, Что он умен и очень мил. V Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено блеснуть. Онегин был по мненью многих (Судей решительных и строгих) Ученый малый, но педант: Имел он счастливый талант Без принужденья в разговоре Коснуться до всего слегка, С ученым видом знатока Хранить молчанье в важном споре И возбуждать улыбку дам Огнем нежданных эпиграмм. VI Латынь из моды вышла ныне: Так, если правду вам сказать, Он знал довольно по-латыне, Чтоб эпиграфы разбирать, Потолковать об Ювенале, В конце письма поставить vale, Да помнил, хоть не без греха, Из Энеиды два стиха. Он рыться не имел охоты В хронологической пыли Бытописания земли: Но дней минувших анекдоты От Ромула до наших дней Хранил он в памяти своей. VII Высокой страсти не имея Для звуков жизни не щадить, Не мог он ямба от хорея, Как мы ни бились, отличить. Бранил Гомера, Феокрита; Зато читал Адама Смита И был глубокой эконо-м, То есть умел судить о том, Как государство богатеет, И чем живет, и почему Не нужно золота ему, Когда простой продукт имеет. Отец понять его не мог И земли отдавал в залог. VIII Всего, что знал еще Евгений, Пересказать мне недосуг; Но в чем он истинный был гений, Что знал он тверже всех наук, Что было для него измлада И труд, и мука, и отрада, Что занимало целый день Его тоскующую лень, — Была наука страсти нежной, Которую воспел Назон, За что страдальцем кончил он Свой век блестящий и мятежный В Молдавии, в глуши степей, Вдали Италии своей. IX X Как рано мог он лицемерить, Таить надежду, ревновать, Разуверять, заставить верить, Казаться мрачным, изнывать, Являться гордым и послушным, Внимательным иль равнодушным! Как томно был он молчалив, Как пламенно красноречив, В сердечных письмах как небрежен! Одним дыша, одно любя, Как он умел забыть себя! Как взор его был быстр и нежен, Стыдлив и дерзок, а порой Блистал послушною слезой! XI Как он умел казаться новым, Шутя невинность изумлять, Пугать отчаяньем готовым, Приятной лестью забавлять, Ловить минуту умиления, Невинных лет предубежденья Умом и страстью побеждать, Невольной ласки ожидать, Молить и требовать признанья, Подслушать сердца первый звук, Преследовать любовь, и вдруг Добиться тайного свиданья. . . И после ей наедине Давать уроки в тишине! XII Как рано мог уж он тревожить Сердца кокеток записных! Когда ж хотелось уничтожить Ему соперников своих, Как он язвительно злословил! Какие сети им готовил! Но вы, блаженные мужья, С ним оставались вы друзья: Его ласкал супруг лукавый, Фобласа давний ученик, И недоверчивый старик, И рогоносец величавый, Всегда довольный сам собой, Своим обедом и женой. XIII, XIV XV Бывало, он еще в постеле: К нему записочки несут. Что? Приглашенья? В самом деле, Три дома на вечер зовут: Там будет бал, там детский праздник. Куда ж поскачет мой проказник?

С кого начнет он? Все равно: Везде поспеть немудрено. Покамест в утреннем уборе, Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар И там гуляет на просторе, Пока недремлющий брежет Не прозвонит ему обед. XVI Уж темно: в санки он садится. «Пади, пади!» — раздался крик; Морозной пылью серебрится Его бобровый воротник. К Talon помчался: он уверен, Что там уж ждет его Каверин. Вошел: и пробка в потолок, Вина кометы брызнул ток; Пред ним roast-beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И Страсбурга пирог нетленный Меж сыром лимбургским живым И ананасом золотым. XVII Еще бокалов жажда просит Залить горячий жир котлет, Но звон брегета им доносит, Что новый начался балет. Театра злой законодатель, Непостоянный обожатель Очаровательных актрис, Почетный гражданин кулис, Онегин полетел к театру, Где каждый, вольностью дыша, Готов охлопать *entrechat*, Обшикать Федру, Клеопатру, Моину вызвать (для того, Чтоб только слышали его). XVIII Волшебный край! там в стары годы, Сатиры смелый властелин, Блистал Фонвизин, друг свободы, И переимчивый Княжнин; Там Озеров невольны дани Народных слез, рукоплесканий С младой Семеновой делил; Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый; Там вывел колкий Шаховской Своих комедий шумный рой, Там и Дидло венчался славой, Там, там под сению кулис Младые дни мои неслись. XIX Мои богини! что вы? где вы? Внемлите мой печальный глас: Все те же ль вы? другие ль девы, Сменив, не заменили вас? Услышу ль вновь я ваши хоры? Узрю ли русской Терпсихоры Душой исполненный полет? Иль взор унылый не найдет Знакомых лиц на сцене скучной, И, устремив на чуждый свет Разочарованный лорнет, Веселья зритель равнодушный, Безмолвно буду я зевать И о былом вспоминать? XX Театр уж полон; ложи блещут; Партер и кресла — все кипит; В райке нетерпеливо плещут, И, взвившись, занавес шумит. Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна, Толпою нимф окружена, Стоит Истомина; она, Одной ногой касаясь пола, Другою медленно кружит, И вдруг прыжок, и вдруг летит, Летит, как пух от уст Эола; То стан совет, то разовьет И быстрой ножкой ножку бьет. XXI Все хлопает. Онегин входит, Идет меж кресел по ногам, Двойной лорнет скосясь наводит На ложи незнакомых дам; Все ярусы окинул взором, Все видел: лицами, убором Ужасно недоволен он; С мужчинами со всех сторон Раскланялся, потом на сцену В большом рассеянье взглянул, Отворотился — и зевнул, И молвил: «Всех пора на смену; Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел». XXII Еще амуры, черти, змеи На сцене скачут и шумят; Еще усталые лакеи На шубах у подъезда спят; Еще не перестали топать, Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать; Еще снаружи и внутри Везде блистают фонари; Еще, прозябнув, бьются кони, Наскуча упряжью своей, И кучера, вокруг огней, Бранят господ и бьют в ладони — А уж Онегин вышел вон; Домой одеться едет он. XXIII Изобразу ль в картине верной Уединенный кабинет, Где мод воспитанник примерный Одет, раздет и вновь одет? Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный И по Балтийским волнам За лес и сало возит нам, Все, что в Париже вкус голодный, Полезный промысел избрав, Изобретает для забав, Для роскоши,

для неги модной, — Все украшало кабинет Философа в осьмнадцать лет. XXIV Янтарь на трубках Цареграда, Фарфор и бронза на столе, И, чувств изнеженных отрада, Духи в граненом хрустале; Гребенки, пилочки стальные, Прямые ножницы, кривые И щетки тридцати родов И для ногтей и для зубов. Руссо (замечу мимоходом) Не мог понять, как важный Грим Смел чистить ногти перед ним, Красноречивым сумасбродом. Защитник вольности и прав В сем случае совсем неправ. XXV Быть можно дельным человеком И думать о красе ногтей: К чему бесплодно спорить с веком? Обычай деспот меж людей. Второй Чадаев, мой Евгений, Боясь ревнивых осуждений, В своей одежде был педант И то, что мы назвали фронт. Он три часа по крайней мере Пред зеркалами проводил И из уборной выходил Подобный ветреной Венере, Когда, надев мужской наряд, Богиня едет в маскарад. XXVI В последнем вкусе туалетом Заняв ваш любопытный взгляд, Я мог бы пред ученым светом Здесь описать его наряд; Конечно б это было смело, Описывать мое же дело: Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет; А вижу я, винюсь пред вами, Что уж и так мой бедный слог Пестреть гораздо б меньше мог Иноплеменными словами, Хоть и заглядывал я встарь В Академический словарь. XXVII У нас теперь не то в предмете: Мы лучше поспешим на бал, Куда стремглав в ямской карете Уж мой Онегин поскакал. Перед померкшими домами Вдоль сонной улицы рядами Двойные фонари карет Веселый изливают свет И радуги на снег наводят; Усеян площадками кругом, Блестит великолепный дом; По цельным окнам тени ходят, Мелькают профили голов И дам и модных чудаков. XXVIII Вот наш герой подъехал к сеням; Швейцара мимо он стрелой Взлетел по мраморным ступеням, Расправил волоса рукой, Вошел. Полна народу зала; Музыка уж греметь устала; Толпа мазуркой занята; Кругом и шум и теснота; Бренчат кавалергарда шпоры; Летают ножки милых дам; По их пленительным следам Летают пламенные взоры, И ревом скрыпок заглушен Ревнивый шепот модных жен. XXIX Во дни веселий и желаний Я был от балов без ума: Верней нет места для признаний И для вручения письма. О вы, почтенные супруги! Вам предложу свои услуги; Прощу мою заметить речь: Я вас хочу предостеречь. Вы также, маменьки, постороже За дочерьми смотрите вслед: Держите прямо свой лорнет! Не то... не то, избави боже! Я это потому пишу, Что уж давно я не грешу. XXX Увы, на разные забавы Я много жизни погубил! Но если б не страдали нравы, Я балы б до сих пор любил. Люблю я бешеную младость, И тесноту, и блеск, и радость, И дам обдуманый наряд; Люблю их ножки; только вряд Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног. Ах! долго я забыть не мог Две ножки... Грустный, охладельный, Я все их помню, и во сне Они тревожат сердце мне. XXXI Когда ж и где, в какой пустыне, Безумец, их забудешь ты? Ах, ножки, ножки! где вы ныне? Где мнете вешние цветы? Взмелеяны в восточной неге, На северном, печальном снеге Вы не оставили следов: Любили мягких вы ковров Роскошное прикосновение. Давно ль для вас я забывал И жажду славы и похвал, И край отцов, и заточенье? Исчезло счастье юных лет, Как на лугах ваш легкий след. XXXII Дианы грудь, ланиты Флоры Прелестны, милые друзья! Однако

ножка Терпсихоры Прелестней чем-то для меня. Она, пророчествуя взгляду
 Неоцененную награду, Влечет условною красой Желаний своевольный рой.
 Люблю ее, мой друг Эльвина, Под длинной скатертью столов, Весной на
 мураве лугов, Зимой на чугуне камина, На зеркальном паркете зал, У моря
 на граните скал. XXXIII Я помню море пред грозою: Как я завидовал
 волнам, Бегущим бурной чередою С любовью лечь к ее ногам! Как я желал
 тогда с волнами Коснуться милых ног устами! Нет, никогда среди пылких
 дней Кипящей младости моей Я не желал с таким мученьем Лобзать уста
 молодых Армид, Иль розы пламенных ланит, Иль перси, полные томленьем;
 Нет, никогда порыв страстей Так не терзал души моей! XXXIV Мне памятью
 другое время! В заветных иногда мечтах Держу я счастливое стремя... И
 ножку чувствую в руках; Опять кипит воображенье, Опять ее прикосновенье
 Зажгло в увядшем сердце кровь, Опять тоска, опять любовь!.. Но полно
 прославлять надменных Болтливой лирою своей; Они не стоят ни страстей,
 Ни песен, ими вдохновенных: Слова и взор волшебниц сих Обманчивы...
 как ножки их. XXXV Что ж мой Онегин? Полусонный В постелю с бала
 едет он: А Петербург неугомонный Уж барабаном пробужден. Встает
 купец, идет разносчик, На биржу тянется извозчик, С кувшином охтенка
 спешит, Под ней снег утренний хрустит. Проснулся утра шум приятный.
 Открыты ставни; трубный дым Столбом восходит голубым, И хлебник,
 немец аккуратный, В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой васисдас.
 XXXVI Но, шумом бала утомленный И утро в полночь обротя, Спокойно
 спит в тени блаженной Забав и роскоши дитя. Проснется за полдень,
 и снова До утра жизнь его готова, Однообразна и пестра. И завтра то
 же, что вчера. Но был ли счастлив мой Евгений, Свободный, в цвете
 лучших лет, Среди блистательных побед, Среди вседневных наслаждений?
 Вотще ли был он среди пиров Неосторожен и здоров? XXXVII Нет: рано
 чувства в нем остыли; Ему наскучил света шум; Красавицы не долго были
 Предмет его привычных дум; Измены утомить успели; Друзья и дружба
 надоели, Затем, что не всегда же мог Beef-steaks и страсбургский пирог
 Шампанской обливать бутылкой И сыпать острые слова, Когда болела
 голова; И хоть он был повеса пылкой, Но разлюбил он наконец И брань,
 и саблю, и свинец. XXXVIII Недуг, которого причину Давно бы отыскать
 пора, Подобный английскому сплину, Короче: русская хандра Им овладела
 понемногу; Он застрелиться, слава богу, Попробовать не захотел, Но к
 жизни вовсе охладел. Как Child-Harold, угрюмый, томный В гостиных
 появлялся он; Ни сплетни света, ни бостон, Ни милый взгляд, ни вздох
 нескромный, Ничто не трогало его, Не замечал он ничего. XXXIX, XL,
 XLI XLII Причудницы
 большого света! Всех прежде вас оставил он; И правда то, что в наши лета
 Довольно скучен высший тон; Хоть, может быть, иная дама Толкует Сея и
 Бентама, Но вообще их разговор Несносный, хоть невинный вздор; К тому
 ж они так непорочны, Так величавы, так умны, Так благочестия полны, Так
 осмотрительны, так точны, Так неприступны для мужчин, Что вид их уж
 рождает сплин. XLIII И вы, красотки молодые, Которых позднею порой

Уносят дрожки удалые По петербургской мостовой, И вас покинул мой Евгений. Отступник бурных наслаждений, Онегин дома заперся, Зевая, за перо взялся, Хотел писать — но труд упорный Ему был тошен; ничего Не вышло из пера его, И не попал он в цех зазорный Людей, о коих не сужу, Затем, что к ним принадлежу. XLIV И снова, преданный безделью, Томясь душевной пустотой, Уселся он — с похвальной целью Себе присвоить ум чужой; Отрядом книг устави́л полку, Читал, читал, а все без толку: Там скука, там обман иль бред; В том совести, в том смысла нет; На всех различные вериги; И устарела старина, И старым бредит новизна. Как женщин, он оставил книги, И полку, с пыльной их семьей, Задержнул траурной тафтой. XLV Условий света свергнув бремя, Как он, отстав от суеты, С ним подружился я в то время. Мне нравились его черты, Мечтам невольная преданность, Неподражательная странность И резкий, охлажденный ум. Я был озлоблен, он угрюм; Страстей игру мы знали оба; Томила жизнь обоих нас; В обоих сердца жар угас; Обоих ожидала злоба Слепой Фортуны и людей На самом утре наших дней. XLVI Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей; Кто чувствовал, того тревожит Призрак невозвратимых дней: Тому уж нет очарований, Того змия воспоминаний, Того раскаянье грызет. Все это часто придает Большую прелесть разговору. Сперва Онегина язык Меня смущал; но я привык К его язвительному спору, И к шутке, с желчью пополам, И злости мрачных эпиграмм. XLVII Как часто летнею порою, Когда прозрачно и светло Ночное небо над Невою И вод веселое стекло Не отражает лик Дианы, Воспомня прежних лет романы, Воспомня прежнюю любовь, Чувствительны, беспечны вновь, Дыханьем ночи благосклонной Безмолвно упились мы! Как в лес зеленый из тюрьмы Перенесен колодник сонный, Так уносились мы мечтой К началу жизни молодой. XLVIII С душою, полной сожалений, И опершись на гранит, Стоял задумчиво Евгений, Как описал себя пиит. Все было тихо; лишь ночные Перекликались часовые, Да дрожек отдаленный стук С Мильонной раздавался вдруг; Лишь лодка, веслами махая, Плыла по дремлющей реке: И нас пленяли вдалеке Рожок и песня удалая... Но слаще, средь ночных забав, Напев Торкватовых октав! XLIX Адриатические волны, О Брента! нет, увижу вас И, вдохновенья снова полный, Услышу ваш волшебный глас! Он свят для внуков Аполлона; По гордой лире Альбиона Он мне знаком, он мне родной. Ночей Италии златой Я негой наслажусь на воле, С венецианкою младой, То говорливой, то немой, Плывая в таинственной гондоле; С ней обретут уста мои Язык Петрарки и любви. L Придет ли час моей свободы? Пора, пора! — взываю к ней; Брожу над морем, жду погоды, Маню ветрила кораблей. Под ризой бурь, с волнами споря, По вольному распутью моря Когда ж начну я вольный бег? Пора покинуть скучный брег Мне неприязненной стихии И средь полуденных зыбей, Под небом Африки моей, Вдыхать о сумрачной России, Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил. LI Онегин был готов со мною Увидеть чуждые страны; Но скоро были мы судьбою На долгой срок разведены. Отец его тогда скончался. Перед Онегиным собрался Заимодавцев жадный полк. У каждого свой ум и толк: Евгений, тяжбы ненавидя, Довольный

жребием своим, Наследство предоставил им, Большой потери в том не видя
 Иль предузнав издалека Кончину дяди старика. LII Вдруг получил он в
 самом деле От управителя доклад, Что дядя при смерти в постеле И с ним
 проститься был бы рад. Прочтя печальное посланье, Евгений тотчас на
 свиданье Стремглав по почте поскакал И уж заранее зевал, Приготовляясь,
 денег ради, На вздохи, скуку и обман (И тем я начал мой роман); Но,
 прилетев в деревню дяди, Его нашел уж на столе, Как дань готовую земле.
 LIII Нашел он полон двор услуги; К покойнику со всех сторон Съезжались
 недруги и друзья, Охотники до похорон. Покойника похоронили. Попы
 и гости ели, пили И после важно разошлись, Как будто делом занялись.
 Вот наш Онегин — сельский житель, Заводов, вод, лесов, земель Хозяин
 полный, а досель Порядка враг и расточитель, И очень рад, что прежний
 путь Переменил на что-нибудь. LIV Два дня ему казались новы Уединенные
 поля, Прохлада сумрачной дубровы, Журчанье тихого ручья; На третий
 роща, холм и поле Его не занимали боле; Потом уж наводили сон; Потом
 увидел ясно он, Что и в деревне скука та же, Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
 Ни карт, ни балов, ни стихов. Хандра ждала его на страже, И бегала за ним
 она, Как тень иль верная жена. LV Я был рожден для жизни мирной, Для
 деревенской тишины; В глуши звучнее голос лирный, Живее творческие
 сны. Досугам посвящаться невинным, Брожу над озером пустынным, И far
 niente мой закон. Я каждым утром пробужден Для сладкой неги и свободы:
 Читаю мало, долго сплю, Летучей славы не ловлю. Не так ли я в былые
 годы Провел в бездействии, в тени Мои счастливейшие дни? LVI Цветы,
 любовь, деревня, праздность, Поля! я предан вам душой. Всегда я рад
 заметить разность Между Онегиным и мной, Чтобы насмешливый читатель
 Или какой-нибудь издатель Замысловатой клеветы, Сличая здесь мои черты,
 Не повторял потом безбожно, Что намарал я свой портрет, Как Байрон,
 гордости поэт, Как будто нам уж невозможно Писать поэмы о другом, Как
 только о себе самом. LVII Замечу кстати: все поэты — Любви мечтательной
 друзья. Бывало, милые предметы Мне снились, и душа моя Их образ
 тайный сохранила; Их после муза оживила: Так я, беспечен, воспевал И
 деву гор, мой идеал, И пленниц берегов Салгира. Теперь от вас, мои
 друзья, Вопрос нередко слышу я: «О ком твоя вздыхает лира? Кому,
 в толпе ревнивых дев, Ты посвятил ее напев? LVIII Чей взор, волнуя
 вдохновение, Умильной лаской наградил Твое задумчивое пенье? Кого твой
 стих боготворил?» И, друзья, никого, ей-богу! Любви безумную тревогу Я
 безотрадно испытал. Блажен, кто с нею сочетал Горячку рифм: он тем
 удвоил Поэзии священный бред, Петрарке шествуя вослед, А муки сердца
 успокоил, Поймал и славу между тем; Но я, любя, был глуп и нем. LIX
 Прошла любовь, явилась муза, И прояснился темный ум. Свободен, вновь
 ищу союза Волшебных звуков, чувств и дум; Пишу, и сердце не тоскует,
 Перо, забывшись, не рисует, Близ неоконченных стихов, Ни женских ножек,
 ни голов; Погасший пепел уж не вспыхнет, Я все грущу; но слез уж нет,
 И скоро, скоро бури след В душе моей совсем утихнет: Тогда-то я начну
 писать Поэму песен в двадцать пять. LX Я думал уж о форме плана И как
 героя назову; Покамест моего романа Я кончил первую главу; Пересмотрел

все это строго: Противоречий очень много, Но их исправить не хочу. Цензуре
долг свой заплачу И журналистам на съеденье Плоды трудов моих отдам:
Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье, И заслужи мне славы
дань: Кривые толки, шум и брань!

Chapter 2

O rus!..
Hor.
. (O Русь!)

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых *дриад*.¹

II

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
*Отменно*² прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной *штофные* обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
Все это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
Да, впрочем, другу моему

Damasco

¹ в греческой мифологии нимфы, покровительницы деревьев

² Оценочная характеристика чего-либо как очень хорошего, превосходного.

В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

III

Он в том покое поселился, Где деревенский старожил Лет сорок с ключницей бранился, В окно смотрел и мух давил. Все было просто: пол дубовый, Два шкафа, стол, диван пуховый, Нигде ни пятнышка чернил. Онегин шкафы отворил; В одном нашел тетрадь расхода, В другом наливкок целый строй, Кувшины с яблочной водой И календарь осьмого года: Старик, имея много дел, В иные книги не глядел. IV Один среди своих владений, Чтоб только время проводить, Сперва задумал наш Евгений Порядок новый учредить. В своей глуши мудрец пустынный, Ярем он барщины старинной Оброком легким заменил; И раб судьбу благословил. Зато в углу своем надулся, Увидя в этом страшный вред, Его расчетливый сосед; Другой лукаво улыбнулся, И в голос все решили так, Что он опаснейший чудак. V Сначала все к нему езжали; Но так как с заднего крыльца Обыкновенно подавали Ему донского жеребца, Лишь только вдоль большой дороги Заслышат их домашни дроги, — Поступком оскорбясь таким, Все дружбу прекратили с ним. «Сосед наш неуч; сумасбродит; Он фармазон; он пьет одно Стаканом красное вино; Он дамам к ручке не подходит; Все да да нет; не скажет да-с Иль нет-с». Таков был общий глас. VI В свою деревню в ту же пору Помещик новый прискакал И столь же строгому разбору В соседстве повод подавал: По имени Владимир Ленской, С душою прямо геттингенской, Красавец, в полном цвете лет, Поклонник Канта и поэт. Он из Германии туманной Привез учености плоды: Вольнолюбивые мечты, Дух пылкий и довольно странный, Всегда восторженную речь И кудри черные до плеч. VII От хладного разврата света Еще увянуть не успев, Его душа была согрета Приветом друга, лаской дев; Он сердцем милый был невежда, Его лелеяла надежда, И мира новый блеск и шум Еще пленяли юный ум. Он забавлял мечтою сладкой Сомненья сердца своего; Цель жизни нашей для него Была заманчивой загадкой, Над ней он голову ломал И чудеса подозревал. VIII Он верил, что душа родная Соединиться с ним должна, Что, безотрадно изнывая, Его вседневно ждет она; Он верил, что друзья готовы За честь его приять оковы И что не дрогнет их рука Разбить сосуд клеветника; Что есть избранные судьбами, Людей священные друзья; Что их бессмертная семья Неотразимыми лучами Когда-нибудь нас озарит И мир блаженством одарит. IX Негодование, сожаленье, Ко благу чистая любовь И славы сладкое мученье В нем рано волновали кровь. Он с лирой странствовал на свете; Под небом Шиллера и Гете Их поэтическим огнем Душа воспламенилась в нем; И муз возвышенных искусства, Счастливцев, он не постыдил: Он в песнях гордо сохранил Всегда возвышенные чувства, Порывы девственной мечты И прелесть важной простоты. X Он пел любовь, любви послушный, И песнь его была ясна, Как мысли девы простодушной, Как сон младенца, как луна В пустынях неба безмятежных, Богиня тайн и вздохов нежных. Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль, И

романтические розы; Он пел те дальные страны, Где долго в лоно тишины
 Лились его живые слезы; Он пел поблеклый жизни цвет Без малого в
 осьмнадцать лет. XI В пустыне, где один Евгений Мог оценить его дары,
 Господ соседственных селений Ему не нравились пиры; Бежал он их беседы
 шумной. Их разговор благоразумный О сенокосе, о вине, О псарне, о
 своей родне, Конечно, не блистал ни чувством, Ни поэтическим огнем, Ни
 острою, ни умом, Ни общежития искусством; Но разговор их милых жен
 Гораздо меньше был умен. XII Богат, хорош собою, Ленский Везде был
 принят как жених; Таков обычай деревенский; Все дочек прочили своих За
 полурусского соседа; Взойдет ли он, тотчас беседа Заводит слово стороной
 О скуке жизни холостой; Зовут соседа к самовару, А Дуня разливает чай;
 Ей шепчут: «Дуня, примечай!» Потом приносят и гитару: И запищит она
 (бог мой!); Приди в чертог ко мне златой!.. XIII Но Ленский, не имев,
 конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным желал сердечно Знакомство
 покороче свести. Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед и
 пламень Не столь различны меж собой. Сперва взаимной разнотой Они
 друг другу были скучны; Потом понравились; потом Съезжались каждый
 день верхом И скоро стали неразлучны. Так люди (первый каюсь я) От
 делать нечего друзья. XIV Но дружбы нет и той меж нами. Все предрассудки
 истребя, Мы почитаем всех нулями, А единицами — себя. Мы все глядим в
 Наполеоны; Двуногих тварей миллионы Для нас орудие одно; Нам чувство
 дико и смешно. Сноснее многих был Евгений; Хоть он людей, конечно,
 знал И вообще их презирал, — Но (правил нет без исключений) Иных
 он очень отличал И вчуже чувство уважал. XV Он слушал Ленского с
 улыбкой. Поэта пылкий разговор, И ум, еще в сужденьях зыбкой, И вечно
 вдохновенный взор, — Онегину все было ново; Он охладительное слово
 В устах старался удержать И думал: глупо мне мешать Его минутному
 блаженству; И без меня пора придет; Пускай покамест он живет Да верит
 мира совершенству; Простим горячке юных лет И юный жар и юный бред.
 XVI Меж ими все рождало споры И к размышлению влекло: Племен минувших
 договоры, Плоды наук, добро и зло, И предрассудки вековые, И гроба тайных
 роковые, Судьба и жизнь в свою чреду, Все подвергалось их суду. Поэт в
 жару своих суждений Читал, забывшись, между тем Отрывки северных
 поэм, И снисходительный Евгений, Хоть их не много понимал, Прилежно
 юноше внимал. XVII Но чаще занимали страсти Умы пустынных моих.
 Ушед от их мятежной власти, Онегин говорил об них С невольным вздохом
 сожаленья: Блажен, кто ведал их волненья И наконец от них отстал; Блаженной
 тот, кто их не знал, Кто охлаждал любовь — разлукой, Вражду — злословием;
 порой Зевал с друзьями и с женой, Ревнивой не тревожась мукой, И дедов
 верный капитал Коварной двойке не вверял. XVIII Когда прибегнем мы
 под знамя Благоразумной тишины, Когда страстей угаснет пламя, И нам
 становятся смешны Их своевольство иль порывы И запоздалые отзвывы, —
 Смиранные не без труда, Мы любим слушать иногда Страстей чужих язык
 мятежный, И нам он сердце шевелит. Так точно старый инвалид Охотно
 клонит слух прилежный Рассказам юных усачей, Забытый в хижине своей.
 XIX Зато и пламенная младость Не может ничего скрывать. Вражду,

любовь, печаль и радость Она готова разболтать. В любви считаясь инвалидом, Онегин слушал с важным видом, Как, сердца исповедь любя, Поэт высказывал себя; Свою доверчивую совесть Он простодушно обнажал. Евгений без труда узнал Его любви младую повесть, Обильный чувствами рассказ, Давно не новыми для нас. XX Ах, он любил, как в наши лета Уже не любят; как одна Безумная душа поэта Еще любить осуждена: Всегда, везде одно мечтанье, Одно привычное желанье, Одна привычная печаль. Ни охлаждающая даль, Ни долгие лета разлуки, Ни музам данные часы, Ни чужеземные красы, Ни шум веселий, ни науки Души не изменили в нем, Согретой девственным огнем. XXI Чуть отрок, Ольгою плененный, Сердечных мук еще не зная, Он был свидетель умиленный Ее младенческих забав; В тени хранительной дубравы Он разделял ее забавы, И детям прочили венцы Дружья-соседы, их отцы. В глуши, под сению смиренной, Невинной прелести полна, В глазах родителей, она Цвела, как ландыш потаенный, Незнаемый в траве глухой Ни мотыльками, ни пчелой. XXII Она поэту подарила Младых восторгов первый сон, И мысль об ней одушевила Его девницы первый стон. Простите, игры золотые! Он рощи полюбил густые, Уединенье, тишину, И ночь, и звезды, и луну, Луну, небесную лампаду, Которой посвящали мы Прогулки средь вечерней тьмы, И слезы, тайных мук отраду. . . Но нынче видим только в ней Замену тусклых фонарей. XXIII Всегда скромна, всегда послушна, Всегда как утро весела, Как жизнь поэта простодушна, Как поцелуй любви мила; Глаза, как небо, голубые, Улыбка, локоны льняные, Движенья, голос, легкий стан, Все в Ольге. . . но любой роман Возьмите и найдете верно Ее портрет: он очень мил, Я прежде сам его любил, Но надоел он мне безмерно. Позвольте мне, читатель мой, Заняться старшею сестрой. XXIV Ее сестра звалась Татьяна. . . Впервые именем таким Страницы нежные романа Мы своевольно освятим. И что ж? оно приятно, звучно; Но с ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье старины Иль девицкой! Мы все должны Признаться: вкусу очень мало У нас и в наших именах (Не говорим уж о стихах); Нам просвещение не пристало, И нам досталось от него Жеманство, — больше ничего. XXV Итак, она звалась Татьяной. Ни красотой сестры своей, Ни свежестью ее румяной Не привлекла б она очей. Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой. Она ласкаться не умела К отцу, ни к матери своей; Дитя сама, в толпе детей Играть и прыгать не хотела И часто целый день одна Сидела молча у окна. XXVI Задумчивость, ее подруга От самых колыбельных дней, Течение сельского досуга Мечтами украшала ей. Ее изнеженные пальцы Не знали игл; склонясь на пальцы, Узором шелковым она Не оживляла полотна. Охоты властвовать примета, С послушной куклою дитя Приготавливается шутя К приличию — закону света, И важно повторяет ей Уроки маменьки своей. XXVII Но куклы даже в эти годы Татьяна в руки не брала; Про вести города, про моды Беседы с нею не вела. И были детские проказы Ей чужды: страшные рассказы Зимой в темноте ночей Пленяли больше сердце ей. Когда же няня собирала Для Ольги на широкий луг Всех маленьких ее подруг, Она в горелки не играла, Ей скучен был и звонкий смех, И шум их ветреных

утех. XXVIII Она любила на балконе Предупреждать зари восход, Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хоровод, И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет, И всходит постепенно день. Зимой, когда ночная тень Полмиром доле обладает, И доле в праздной тишине, При отуманенной луне, Восток ленивый почивает, В привычный час пробуждена Вставала при свечах она. XXIX Ей рано нравились романы; Они ей заменяли все; Она влюблялася в обманы И Ричардсона и Руссо. Отец ее был добрый малый, В прошедшем веке запоздалый; Но в книгах не видал вреда; Он, не читая никогда, Их почитал пустой игрушкой И не заботился о том, Какой у дочки тайный том Дремал до утра под подушкой. Жена ж его была сама От Ричардсона без ума. XXX Она любила Ричардсона Не потому, чтобы прочла, Не потому, чтоб Грандисона Она Ловласу предпочла; Но в старину княжна Алина, Ее московская кузина, Твердила часто ей об них. В то время был еще жених Ее супруг, но по неволе; Она вздыхала по другом, Который сердцем и умом Ей нравился гораздо боле: Сей Грандисон был славный франт, Игрок и гвардии сержант. XXXI Как он, она была одета Всегда по моде и к лицу; Но, не спросясь ее совета, Девицу повезли к венцу. И, чтоб ее рассеять горе, Разумный муж уехал вскоре В свою деревню, где она, Бог знает кем окружена, Рвалась и плакала сначала, С супругом чуть не развелась; Потом хозяйством занялась, Привыкла и довольна стала. Привычка свыше нам дана: Замена счастию она. XXXII Привычка усладила горе, Не отражимое ничем; Открытие большое вскоре Ее утешило совсем: Она меж делом и досугом Открыла тайну, как супругом Самодержавно управлять, И все тогда пошло на статью. Она езжала по работам, Солила на зиму грибы, Вела расходы, брила лбы, Ходила в баню по субботам, Служанок била осердясь — Все это мужа не спросясь. XXXIII Бывало, писывала кровью Она в альбомы нежных дев, Звала Полиною Прасковью И говорила нараспев, Корсет носила очень узкий, И русский Н как N французский Произносить умела в нос; Но скоро все перевелось: Корсет, альбом, княжну Алину, Стишков чувствительных тетрадь Она забыла: стала звать Акулькой прежнюю Селину И обновила наконец На вате шлафор и чепец. XXXIV Но муж любил ее сердечно, В ее затеи не входил, Во всем ей веровал беспечно, А сам в халате ел и пил; Покойно жизнь его катилась; Под вечер иногда сходилась Соседей добрая семья, Нецеремонные друзья, И потужить, и позлословить, И посмеяться кой о чем. Проходит время; между тем Прикажут Ольге чай готовить, Там ужин, там и спать пора, И гости едут со двора. XXXV Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины; У них на масленице жирной Водились русские блины; Два раза в год они говели; Любили круглые качели, Подблюдны песни, хоровод; В день Троицын, когда народ, Зевая, слушает молебен, Умильно на пучок зари Они роняли слезки три; Им квас как воздух был потребен, И за столом у них гостям Носили блюды по чинам. XXXVI И так они старели оба. И отворились наконец Перед супругом двери гроба, И новый он приял венец. Он умер в час перед обедом, Оплаканный своим соседом, Детьми и верною женой Чистосердечней, чем иной. Он был простой и добрый барин, И там, где прах его лежит, Надгробный памятник гласит: Смиранный грешник,

Дмитрий Ларин, Господний раб и бригадир, Под камнем сим вкушает мир. XXXVII Своим пенатам возвращенный, Владимир Ленский посетил Соседа памятник смиренный, И вздох он пеплу посвятил; И долго сердцу грустно было. «Roog Yoric! — молвил он уныло. — Он на руках меня держал. Как часто в детстве я играл Его Очаковской медалью! Он Ольгу прочил за меня, Он говорил: дождусь ли дня?..» И, полный искренней печалью, Владимир тут же начертал Ему надгробный мадригал. XXXVIII И там же надписью печальной Отца и матери, в слезах, Почтил он прах патриархальный... Увы! на жизненных браздах Мгновенной жатвой поколенья, По тайной воле провиденья, Восходят, зреют и падут; Другие им вослед идут... Так наше ветреное племя Растет, волнуется, кипит И к гробу прадедов теснит. Придет, придет и наше время, И наши внуки в добрый час Из мира вытеснят и нас! XXXIX Покамест упивайтесь ею, Сей легкой жизнью, друзья! Ее ничтожность разумею И мало к ней привязан я; Для призраков закрыл я вежды; Но отдаленные надежды Тревожат сердце иногда: Без неприметного следа Мне было б грустно мир оставить. Живу, пищу не для похвал; Но я бы, кажется, желал Печальный жребий свой прославить, Чтоб обо мне, как верный друг, Напомнил хоть единый звук. XL И чье-нибудь он сердце тронет; И, сохраненная судьбой, Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной; Быть может (лестная надежда!), Укажет будущий невежда На мой прославленный портрет И молвит: то-то был поэт! Прими ж мои благодаренья, Поклонник мирных аонид, О ты, чья память сохранит Мои летучие творенья, Чья благосклонная рука Потреплет лавры старика!

Chapter 3

Conclusioni

In questo capitolo, puoi discutere le conclusioni e le implicazioni del tuo lavoro.

3.1 Riflessioni Finali

Puoi anche aggiungere delle riflessioni finali su ciò che hai trattato nel libro.